

БУДУЩЕЕ ЕГИПТА ГЛАЗАМИ АРАБСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-АНТИУТОПИСТОВ

© 2019 А. МОКРУШИНА

DOI: 10.31857/S032150750006530-5

В статье рассматривается становление нового жанра в арабской литературе - антиутопии. Анализируются предпосылки его появления, цели и региональные особенности жанра на примере двух романов современных египетских писателей - Мухаммада Раби и Басмы Абд ал-Азиз. Автор статьи подчеркивает связь событий «арабской весны» с развитием жанра антиутопии, обращает внимание на отражение политической, экономической, социальной ситуации в современной арабской литературе.

Ключевые слова: литература, арабский роман, антиутопия, «арабская весна»

THE FUTURE OF EGYPT THROUGH THE EYES OF ARAB ANTI-UTOPIAN WRITERS

Amalia A. MOKRUSHINA, PhD (Philology), Associate Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (kodzik@inbox.ru)

The paper explores the emergence of a new genre in Arabic literature. In recent years, the interest of Arab writers in the new dystopia genre has increased, which is associated with serious political, economic and social changes affecting the region. Attempts to find answers to important questions for society concerning the future way of life were reflected in a number of dystopian novels, many of which were highly praised by critics, some of them were translated into foreign languages. Today, the situation in some Arab countries offers many variations for the future, and literature was the first to respond to such changes.

It is also important that a lot of Arab anti-utopian writers are not older than forty years. Young people from the Arab intelligentsia, perhaps the most soberly assess the situation after the events of the Arab spring. While most of the population at first was in euphoria, then replaced by disappointment, young writers offer their own vision of the situation in the country.

The paper analyzes the background of the appearance, goals and regional characteristics of the genre. We took two dystopian novels by Muhammad Rabi «Otared» and Basma Abd al-Aziz «The Queue» as an example of new genre. The opportunity to look at existing problems through the prism of a new genre allows the researcher to get a more complete picture of the situation in the region.

Writers attempt to «predict» and «warn» society about possible problems, and this is one of the important tasks of intellectual literature, to which the dystopia genre can be attributed.

Keywords: literature, Arabic novel, dystopia, Arab Spring

Образ возможного будущего возникает как следствие анализа и критики ситуации, сложившейся в настоящем. Антиутопия, таким образом, выступает предостережением для общества, пораженного различными проблемами: религиозный фанатизм, социальное неравенство, тоталитаризм, бюрократизация государственного аппарата, потеря нравственных ориентиров и т.д. В виду жанровых особенностей антиутопия представляет собой наихудший вариант развития общества [1, с. 63].

В классической антиутопии всегда существует противопоставленный системе персонаж (или персонажи), который рано или поздно начинает осознавать существующие проблемы и вступает с ними в противоборство. Как правило, через главного героя автор передает свое собственное отношение к сложившейся ситуации.

Жанр антиутопии пришел в арабскую литературу недавно и очевидно стал следствием серьезных политических, экономических и социальных изменений, произошедших в регионе. Так, например,

настоящей сенсацией стал роман алжирского писателя Буалема Сансаля «2084: Конец света» [2].

В современном мире, где одной из главных проблем остается угроза религиозного терроризма, произведение вызвало резонанс: неудивительно, что роман был впервые опубликован не на арабском, а на французском языке. Уже из названия романа видно, что автор делает отсылку к произведению Дж. Оруэлла: и, действительно, читатель встречает новую интерпретацию темы свободы, но на этот раз в условиях религиозного тоталитарного режима.

МОКРУШИНА Амалия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет. РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11 (kodzik@inbox.ru)

Интересно отметить, что идея мирового господства ислама уже поднималась в литературе - например, в романе Е.Чудиновой «Мечеть Парижской богородицы» [3]. Однако, в отличие от произведения Б.Сансая, большинство подобных работ страдают от ярко выраженной предвзятости авторов к мусульманской религии в целом.

Появление антиутопии особенно заметно в арабской литературе, которая на протяжении долгого времени тяготела к традиционным литературным формам и жанрам. По словам Салима Хаддада, автора нашумевшего романа «Гуана», сегодня очевиден уход от реализма, который прежде доминировал в арабской литературе [4].

События «арабской весны» послужили толчком для развития нового жанра, и арабская литература быстрее прочих видов искусства откликнулась на них. Размышления, связанные с дальнейшим развитием ситуации в регионе, а также обострившиеся экономические и социальные проблемы общества вызвали у литераторов желание высказаться. В этом смысле показательным то, что возраст большинства арабских писателей-антиутопистов не превышает 40 лет.

Несмотря на то, что далеко не всегда сюжеты романов-антиутопий напрямую перекликаются с событиями «арабской весны», многие исследователи сходятся во мнении, что произошедшие события стали катализатором для развития нового жанра. Так, в работе «Научная фантастика и «арабская весна»» исследователь современной арабской литературы С.Мерфи отмечает, говоря о египетских антиутопиях: «В основе каждого из этих полуфантастических параллельных миров лежит «арабская весна», причины и события которой являются движимым элементом структуры и сюжета каждой антиутопии. В то же время различия между произведениями указывают на значительные различия в восприятии переживаемых событий и их результатов по всему региону» [5].

Египет стал одним из центров глобальных изменений, затронувших Ближний Восток в последние годы. Это, а также литературный опыт нескольких поколений выдающихся египетских литераторов, известных, в т.ч. за рубежом, по-видимому, послужили причиной того, что имена современных египетских писателей часто звучат в связи с упоминанием нового для арабской литературы жанра антиутопии.

Появление нового жанра, в свою очередь, привлекло особое внимание со стороны арабских писателей, создавших после событий 2011 г. Египетское общество научной фантастики (*The Egyptian Society for Science Fiction*). Общество видит свои цели не только в анализе существующих произведений, но также в их популяризации (в т.ч. за рубежом), поощрении авторов, налаживании контактов с иностранными коллегами и специалистами, занимающимися изучением нового жанра в арабской литературе.

БУДУЩЕЕ, КОТОРОГО НЕТ

Роман «Меркурий» (в английском переводе сохранено арабское название «*Otared*»), опубликованный в 2014 г., представляет собой яркий пример антиутопии [6]. В 2016 г. роман был номинирован на престижную международную литературную премию арабский «Букер» (*International Prize for Arabic Fiction*) и переведен на английский язык.

Мухаммад Рабии - автор романа «Меркурий» - родился в 1978 г., получил образование инженера в Каирском университете. Опубликованный в 2010 г. дебютный роман Мухаммада Рабии «Созвездие амбры» год спустя был отмечен египетской премией *Sawiris Cultural Award* и получил положительные отзывы критиков. В 2012 г. свет увидело второе произведение молодого писателя - «Год дракона», третьим крупным романом стал «Меркурий».

События, описанные в романе «Меркурий», альтернативным образом разворачиваются в Египте после январской революции 2011 г. Перед читателем предстает Египет в недалеком будущем - 2025 года.

Главный герой романа - полицейский по имени Ахмад Утарид, или, как его называют, «Меркурий» - становится свидетелем страшных перемен в стране, приведших к беспределу, убийствам и грабёжам. Народное сопротивление, в рядах которого и сам Меркурий в качестве снайпера сражается с силами, стремящимися посеять в стране хаос. Однако скоро становится ясно, что сопротивление действует в своих личных интересах, стремясь захватить власть и не гнушаясь убийством тысяч мирных граждан.

«Белая» бескровная революция, о которой мечтали египтяне, превращается в массовое истребление собственного народа. Предводитель сопротивления открыто заявляет своим сторонникам, что настает время для второй народной революции - революции против оккупационных сил. Но какой план он предлагает?

С помощью СМИ силы сопротивления планируют посеять панику, убедить простых людей в том, что все зло исходит от оккупантов. Предводитель сопротивления делает заключительный вывод: «Люди поймут, что мы негодяи, что мы их убиваем, но, в конце концов, они предпочтут нас оккупантам. Не потому, что мы патриоты или живем в той же стране, и не потому, что мы говорим на одном языке, а лишь потому, что мы будем их убивать, пока продолжается оккупация» [6, р. 65].

Проза Мухаммада Рабии может шокировать, но, в то же время, нельзя не признать талант молодого писателя, способного создать пугающую, захватывающую читателя реальность. Уже первые строки романа заставляют почувствовать напряжение: «Эта полоска крови о многом напоминает мне. Она прочерчена на стене, но не вертикально,

а с небольшим наклоном. Ее верхняя часть изгибается, а нижняя уходит прямо в землю...» [6, р. 5].

Небольшой пролог к роману погружает читателя в ужас происходящего. На нескольких страницах автор весьма правдоподобно и, пожалуй, с излишней натуралистичностью, больше свойственной американской или европейской современной прозе, описывает картины убийства целой семьи. Окружающие недоумевают, что заставило приличного человека из среднего класса совершить подобное злодеяние, и лишь разносчик кофе дает ответ на вопрос: «Этот кофе смешан с надеждой. А надежда важна. Тот человек утратил ее и поэтому убил ...» [6, р. 14]. Мотив этой утраченной надежды на лучшее будущее звучит на протяжении всего романа.

Структурно произведение Мухаммада Рабии делится на 5 частей с разным количеством глав, которые не имеют названий, но обозначены цифрами. Отдельные фрагменты некоторых глав выделены «звездочками». Роман делится на неравные по размеру части, которые предваряются указанием года - 2023-й, 2025-й, 2011-й, 455-й по хиджре*, далее снова - 2011-й и 2025-й. Таким образом, автор параллельно ведет повествование в разных временных интервалах, переплетая события и героев. Интересно отметить, что лишь в той части сюжета, события которого разворачиваются в 2023 и 2025 гг., повествование ведется от лица главного героя.

Содержание и форму романа «Меркурий» можно назвать новыми для арабской литературы. От традиционного арабского романа здесь осталось, пожалуй, только внимание к подробному описанию и деталям.

Современные арабские писатели стремятся к поиску актуальных тем и нетривиальных способов их изложения. Так, события, связанные с египетской революцией 2011 г. и потрясшие не только Ближний Восток, но и весь мир, в романе Мухаммада Рабии представлены с необычной точки зрения. Автор мастерски вплетает вымысел в реальные события, происходившие в тот период в стране.

Герои романа живут в Каире, а улицы, районы и площади города со знакомыми названиями (Тахрир, Талят Харб, Булак, Замалик, Атаба, Корнейш, здание Оперы и пр.) становятся сценой разворачивающихся событий в альтернативном мире. Например, герой рассказывает: «В то время я жил в районе Докки, а работал в отделении Касран-Нил в районе Джордан-сити, как и все полицейские в Восточном Каире...» [6, р. 31]. При этом текст романа наполнен современными реалиями - это мобильный телефон, дроны, и т.д.

Автор сознательно упрощает язык повествования, стремясь вызвать у читателя ощущение исто-

рии, рассказанной простым человеком - бывшим полицейским, а не писателем, однако использует при этом преимущественно литературный язык, а не диалект, в т.ч. в диалогах, хотя отдельные слова из египетского диалекта в тексте все-таки присутствуют.

В той части романа, которую автор предваряет упоминанием 455 года по хиджре, также появляется необычная языковая особенность: автор использует большее количество над- и подстрочных знаков для обозначения кратких гласных звуков, что свойственно религиозным текстам. По всей вероятности, задумка Мухаммада Рабии заключалась в попытке стилизовать язык этого фрагмента повествования под выбранный им исторический промежуток времени.

Диалогам автор уделяет особое внимание - в тексте их немного, но все они чрезвычайно насыщены по смыслу, уместны и, как правило, лаконичны. Особенность авторского языка отражается еще и в своеобразной краткости, «отрывистости» многих фраз, которые затем разворачиваются, наполняя повествование необходимыми деталями. «Ничего, кроме хаоса. Я искал во всем этом хоть какой-нибудь смысл, но, похоже, тот, кто строил Каир, не заглядывал так далеко... Целых два года я был участником происходящего, но сегодня я положу этому конец» [6, р. 21].

Также необходимо отметить языковую образность, присутствие метафор, которых, впрочем, в тексте не так много, как в традиционных произведениях арабских авторов. «Безмолвные истуканы» - так, например, автор называет простых жителей оккупированного Каира, не способных оказать малейшее сопротивление врагу. «Молчаливое помешательство охватило египтян, заставив их покорно принимать всё происходившее в последующие месяцы...» [6, р. 34]. Мухаммад Рабии придумывает неологизмы, которые могли бы отразить реалии погруженного в хаос Каира. Так, появляется глагол *карбана* и производное от него *мукарбан*, т.е. тот, кто курит новый наркотик «карбон». «Я спросил Святошу: «Как называют тех, что курит карбон? Карбонщики?»» [6, р. 113].

Необычными для арабской литературы являются, как уже отмечалось, многочисленные натуралистичные картины из жизни полуразрушенного города, в котором царит хаос, приведший к резкому падению нравственности - в Каире повсеместно открываются дома терпимости, каждый употребляет наркотики, разврат становится нормой жизни. В тексте присутствуют детальные описания сцен насилия и откровенных сцен, что дополнительно формирует у читателя образ общества, где отсутствуют основные понятия о законе и морали.

* Календарь хиджры - лунный календарь - используется как официальный календарь в некоторых мусульманских странах. Летоисчисление ведется от хиджры (16 июля 622 г. н.э.) - даты бегства пророка Мухаммада из Мекки в Медину. 455 год по хиджре соответствует 1063 г. (прим. авт.).

Главный герой романа - личность неоднозначная: моральные принципы, которым он следует, вскоре оказываются извращены. В начале романа Меркурий исполняет приказы, руководимый патриотическим чувством - желанием освободить родину от оккупантов и вернуть стране мирную жизнь. Но в то же время он убийца, жертвами которого становятся и мирные граждане: «Я ждал лишь приказов, которые были очень конкретными: уничтожить такого-то, или приказ устранить пятерых офицеров из сил оккупантов...» [6, р. 22]. Однако вскоре Меркурий понимает, что его самого, так же как других членов сопротивления, используют с целью начать в стране террор. Он задается вопросом: «Возможно, я был просто орудием для того, чтобы “убирать” людей?» [6, р. 97].

Встреча с антиподом главного героя, который носит прозвище «Святоша», также заставляет Меркурия взглянуть на происходящее вокруг иначе. «Я его спросил: “Святоша?” - А он ответил: «Мне дали это прозвище, потому что я никого не убивал». - Я изумился: «Как такое возможно?! Мы уже три года живем в оккупации. Всё это время ты, на самом деле, никого не убил?..» [6, р. 73]. Герой меняется, меняются и его этические установки - всё это можно считать признаком «качественного» романа. Подобную многоплановость также вряд ли можно считать традиционной для арабской классической литературы.

Вопросы совести и морали - центральные в романе. Через главного героя автор пытается найти ответы на них. В разговоре со своим другом и соратником Меркурий обсуждает философские вопросы бытия, стремясь понять, что такое смерть и существует ли что-то после нее. Именно в разговоре со Святошей вновь всплывает мотив надежды, о котором шла речь в прологе - надежды на жизнь. «Люди живут надеждой на лучшую жизнь...» [6, р. 98]. Находится в романе место и любовной линии, которой, впрочем, автор не уделяет много внимания.

Через своих героев Мухаммад Рабии предпринимает попытки осмыслить произошедшее: революцию, смену власти и последовавшие за этим события. Так, один из его героев говорит: «Это последствия того, что сделали мы сами, друзья. Если бы тогда, в январе, мы не открыли огонь, ничего этого не было бы. Если бы мы тогда просто остались стоять, армия никогда не свергла бы Мубаракка. Но это произошло. Мы научились стрелять и узнали, как заставить народ выступить» [6, р. 71]. В этих словах отражается, вероятно, тревога всех египтян, задающих себе вопросы после знаменательных для страны январских событий: «что было бы, если...?» и «что дальше?»

Произведение «Меркурий» можно назвать новаторским благодаря целому ряду моментов: это нестандартный сюжет, необычная форма построения текста, несколько переплетенных сюжетных линий, образность, несвойственные традиционно арабскому роману мотивы, внимание к второстепенным персонажам.

На сегодняшний день интерес молодых арабских авторов привлекают жанры, уже давно полюбоившиеся их европейским коллегам.

Роман-антиутопия «Меркурий» во многом напоминает аналогичные произведения западных писателей - захватывающий сюжет, короткое запоминающееся название, простой слог. Но вместе с этим автор романа переносит события в реалии египетской жизни, позволяя арабскому читателю почувствовать себя частью выдуманного мира.

Несмотря на то, что произведение рассчитано на широкую публику, нельзя отнести этот роман к жанру развлекательной литературы. Совершенно очевидно, что Мухаммад Рабии стремится сказать гораздо больше, предостеречь от жестокости, жертвами которой становятся обычные люди; от террора и анархии, к которым, безусловно, ведет эта жестокость. И, возможно, не просто так, согласно задумке Мухаммада Рабии, имя главы военного правительства Египта, пришедшего к власти после первой волны революции, звучит как Поль-Пьер Женевиэв. Не хочет ли автор таким образом сказать, что за всем происходящим в стране прослеживается иностранное влияние?

Произведение Мухаммада Рабии впервые вышло в свет в 2014 г. в Бейруте, и благодаря тому, что через два года роман вошел в короткий список престижной премии арабский «Букер», вскоре появился его перевод на английский язык. Интересно отметить, что переводчик сохранил название *Otared* без перевода. На наш взгляд, а также принимая во внимание немногочисленные рецензии к роману Мухаммада Рабии, название «Меркурий» все-таки следует понимать как метафору. Меркурий как наиболее близкая к Солнцу планета более остальных подвержена его влиянию, ближе находится к его разрушительной силе.

Роман «Меркурий», безусловно, результат влияния европейской и американской литературы на творчество арабского писателя. Однако невозможно сказать, что произведение напоминает, а тем более, копирует что-то из зарубежной литературы. Появление перевода этого произведения на английском языке может свидетельствовать лишь об одном: внимание к арабской современной литературе со стороны Запада начинает постепенно возрастать, а попытка взглянуть на политические события в стране глазами самих египтян обеспечивает дополнительный интерес.

БЕСКОНЕЧНОЕ ОЖИДАНИЕ

Одной из работ в жанре антиутопии, заслужившей высокие отзывы критиков, стал роман молодой египетской писательницы Басмы Абд ал-Азиз «Очередь» [7]. Произведение было опубликовано в конце 2012 г., а в 2016-м переведено на английский язык [8].

Писательница родилась в Каире в 1976 г., получила медицинское образование и в настоящее время успешно сочетает писательскую деятель-

ность с врачебной практикой. Как и большинство ее «коллег по перу», Басма Абд ал-Азиз обратилась к теме формирования новой структуры общества, сложившейся после революции.

Благодаря помощи Египетского общества научной фантастики нам удалось в апреле 2019 г. взять небольшое интервью у Басмы Абд ал-Азиз, чтобы понять, как автор смотрит на некоторые вопросы, затронутые ею в романе. Интересно, что сама писательница не считает свой роман антиутопией в привычном понимании, предпочитая не относить его к конкретному жанру. Тем не менее, основные параметры жанра - фиксация на проблемах общества; выявление в нем негативных черт; попытка рассмотреть возможное развитие событий (часто через доведение до абсурда); четкое разграничение власти и простых людей и пр. - присутствуют в романе, что позволяет поспорить с автором в данном вопросе.

Основные события произведения разворачиваются в очереди из жителей города, ожидающих приема у Врат - одного из ключевых образов власти, соединившей в себе диктатуру и тотальный контроль над населением. Очередь собралась вместе представителей разного возраста, профессий, социальных слоев. Каждый из них связан необходимостью получить согласие на то или иное действие, и поэтому не может выйти из очереди, продолжая жить в ней по несколько часов, дней, недель. Каждый день очередь становится все длиннее, но Врата не открываются.

Врата - обезличенные, лишённые всего человеческого, - оказываются в романе вершителями судеб целого народа. Образ Врат как непоколебимой, монументальной власти, которая, не задумываясь, способна пожертвовать жизнями своих граждан, сквозит во всем повествовании.

Традиционный для антиутопии герой-оппозиционер, внезапно осознавший несправедливость, жестокость или любую «неправильность» существующего мироустройства, в романе «Очередь» отсутствует, или, можно сказать, его образ не является каноничным для данного жанра.

Если рассматривать образ главного героя через его «функции» в романе, то таким человеком можно назвать врача Тарика. Именно он, терзаемый совестью, постоянно задает себе вопрос о возможности нарушить запрет Врат и спасти жизнь человека. Басма Абд ал-Азиз подчеркивает важность душевных переживаний доктора Тарика, борьбу между законопослушностью и моралью.

С другой стороны, главным героем можно считать и 38-летнего Яхью, получившего серьезное пулевое ранение во время восстания - его история становится центральной в повествовании.

Каждая глава романа начинается с короткой медицинской справки, из которой читатель узнает подробности о состоянии здоровья Яхьи. За каждой подобной справкой следует описание того,

как Тарик знакомится с информацией о здоровье своего пациента.

«Вместе с доктором Тариком мы читаем одно за другим заключение о состоянии здоровья Яхьи, и через эти документы перед нами формируется образ власти, существующей “за Вратами”. Повествование не дает нам возможности уверенно говорить о природе этой власти, однако автор рисует ее образ - способный менять жизни большого числа людей»*.

Неудачное восстание против власти Врат носит название «позорные события». Тарик, не принимавший участия в выступлениях оппозиции, тем не менее, хорошо знаком с их результатами. Власть Врат незыблема, а любые попытки ее пошатнуть обречены на провал.

Через этот образ Басма Абд ал-Азиз проводит аналогию с властью в современном Египте, когда сменившее режим Х.Мубарака (1981-2011) новое правительство оказалось вовсе не настроено на проведение каких бы то ни было реформ, направленных на улучшение жизни простых людей.

Через некоторое время после «позорных событий» жители города начинают получать повестки от властей. Люди встают в очередь, ожидая получения различных справок и разрешений, среди них оказывается и Яхья, который стремится получить разрешение на проведение ему жизненно необходимой медицинской операции. Очередь движется лишь благодаря тому, что некоторые просители, отчаявшись, покидают ее. Люди делятся своими историями, а оказавшийся рядом журналист берет у них интервью. Очередь постепенно поглощает отдельных людей, превращая их в единый организм: «Все находились в равных условиях, все стали похожи друг на друга и выглядели одинаково апатично. Теперь все они начали мыслить одинаково» [9, p. 83].

Показательно то, что Врата находятся в постоянном бездействии - они все время крепко заперты, но именно в этом заключается их сила. Не проводит ли Басма Абд ал-Азиз аналогию с 30 годами правления президента Х.Мубарака, которому оппоненты неоднократно указывали на необходимость проведения дополнительных реформ?

Врата не открываются, но видимость деятельности не прекращается - люди слышат постоянные обращения от власти. Бюрократическая машина продолжает работать, несмотря на то, что все прочие сферы жизни постепенно угасают - люди, стоящие в очереди, не могут заниматься повседневными делами: «... после “позорных событий” Врата оставались заперты, с этого момента они не открывались и не принимали граждан, однако не прекращали издавать приказы» [9, p. 43]. Наглядным примером, символом бездействия власти либо бессмысленности ее действий становится очередной документ Яхьи: это пустой лист, с надписью «решение Врат».

* Из аннотации к изданию романа «Очередь» на арабском языке (прим. авт.).

Несмотря на это, жители города терпеливо следуют новым правилам, никто из них не готов снова выступить против власти. А очередное бессмысленное указание, исходящее от Врат, приказывает возвести стену вокруг людей, стоящих в очереди, якобы для их безопасности.

Образ деспотичной власти, действующей исключительно во вред своему народу, воплощен не в конкретном персонаже, а в обезличенных Вратах, которые, как мы узнаем позже, существовали всегда, но постепенно менялись, приобретая свою новую форму: «Сначала люди не знали, что это за огромное пугающее строение с надписью «Северные Врата», тем не менее, они сразу поняли их важность в своей жизни» [9, р. 41].

Показателен эпилог романа, когда герои внешне узнают, что всё вокруг них было всего лишь мастерски подстроенным розыгрышем. Скрытые повсюду камеры снимали происходящее, и для достоверности никого из «участников» не посветили в суть «игры». Яхья также узнает, что его ранение, на самом деле, выдумка, и необходимость в срочной операции отсутствует.

Если говорить об аналогиях с событиями «арабской весны», то скрытые камеры в первую очередь наводят на мысли о новостных каналах вроде ал-Джазиры, роль которой в сознательном нагнетании ситуации во время волнений в Египте неоднократно обсуждалась.

Таким образом, Басма Абд ал-Азиз изображает, пожалуй, самый масштабный пример формы психологического насилия, заставляющей сомневаться в восприятии действительности население целого города. Но ни это ли происходит постоянно благодаря целенаправленной политике властей через средства массовой информации? Сама автор в интервью с нами соглашается с подобным мнением и подчеркивает, что ее цель заключалась в демонстрации отношения власти к простому народу, которое сопровождается сознательным искажением правды либо откровенной ложью.

Структура романа предполагает деление на небольшие главы, каждая из которых носит свое название. Те главы, которые преимущественно посвящены доктору Тарику, предваряют медицинские справки-заключения о здоровье Яхьи.

Интересно, что основное повествование автор ведет на литературном арабском языке, который изобилует необычными стилистическими приемами. Прямая речь героев происходит исключительно на разговорном языке. Страна, в которой разворачиваются события романа «Очередь», не названа, но читатель легко догадывается об этом, встречая фразы на египетском диалекте.

* * *

Подвергая глубинному анализу тексты романов-антиутопий современных арабских писателей, можно получить представление о том, как видят уже произошедшие и происходящие сейчас в обществе изменения обычные люди. Возможность взглянуть на существующие проблемы сквозь призму нового, богатого выразительными возможностями жанра, позволяет исследователю получить более полную картину ситуации, сложившейся в регионе.

Публикация романа-антиутопии Ахмеда Халида Тауфика «Утопия» в 2008 г. положила начало появлению целого ряда интереснейших работ, написанных в аналогичном жанре. Сам Ахмад Халид Тауфик подчеркивает: «Большинство людей все еще не осознает научную фантастику или не понимает ее». По его мнению, полное осознание жанра придет не ранее чем через полвека [10].

Приходится признать, что будущее глазами современных египетских авторов выглядит достаточно мрачно, что, безусловно, является одной из отличительных черт жанра. Но, вместе с тем, именно попытки писателей «предугадать» и «предупредить» общество о возможных проблемах являются одной из важных задач интеллектуальной литературы, к которой может быть отнесен жанр антиутопии.

Список литературы / References

1. Мухамеджанова Н.М. Антиутопия как художественное отражение кризиса культуры. М., 2018. (Mukhammedzhanova N.M. 2018. Dystopia as an artistic reflection of the crisis of culture. M.) (In Russ.)
2. Сансаль Б. 2084: Конец света. Роман. СПб, М., 2018. (Sansal B. 2018. 2084: End of the world. SPb, M.) (In Russ.)
3. Чудинова Е. Мечеть Парижской богородицы. М., 2005. (Chudinova E. 2005. The Notre Dame de Paris Mosque. M.) (In Russ.)
4. Middle Eastern Writers Find Refuge in The Dystopian Novel // The New York Times - <https://www.nytimes.com/2016/05/30/books/middle-eastern-writers-find-refuge-in-the-dystopian-novel.html> (accessed 18.03.2018)
5. Murphy S. Science Fiction and The Arab Spring: The Critical Dystopia in Contemporary Egyptian Fiction // Strange Horizons - <http://strangehorizons.com/non-fiction/science-fiction-and-the-arab-spring-the-critical-dystopia-in-contemporary-egyptian-fiction/> (accessed 18.03.2019)
6. Muhammad Rabi. Otared. 2015 (In Arab.)
7. Hisham Aslan. The dystopia of Basma Abd al-Aziz in the list "FP" (In Arab.) - <https://www.alaraby.co.uk/diffah/herenow/2016/12/25/> (accessed 10.04.2019)
8. Muataz Hasanein. The Queue... About endless waiting and nothing (In Arab.) - <http://www.noonpost.com/content/18988> (accessed 8.04.2019)
9. Basma Abd al-Aziz. The Queue. 2013 (In Arab.)
10. Monday Original Content: Ahmed Khaled Towfik Interview // Wordpress - <https://worldsf.wordpress.com/2012/06/11/monday-original-content-ahmed-khaled-towfik-interview/> (accessed 23.03.2019)